

1.0 MAR 1982

Амурская правда
г. Благовещенск

207

АМУРСКАЯ

НАЧАЛО ПУТИ

Заметки о прозе Владислава Лесника

Лет семь назад в районной газете «Горняк Севера» печаталась повесть тогдашнего ее сотрудника Владислава Лесника. Те, кто читал, говорили, что у него «получается». Мне читать не довелось, и я пока ничего сказать не мог. К тому же довелось некоторое предубеждение: мало ли их, «повестей» и даже отрывков из «романов», по разным поводам было уже напечатано в районках!

Но вот Владислав Лесник переехал в Благовещенск, и я, едва ли не первым из здешних литераторов, получил для прочтения рукопись упомянутой повести. Заголовок показался несерьезным. «Дед Бянкин — частный сыщик». Ну вот, подумалось, опять что-нибудь развлекательное. А наша русская литература, как не раз было сказано, никогда не была развлекательной.

Но нет... Первые же строчки обрадовали. «Две бабки с сумками стояли на крыльце почтового отделения. Увидев меня, они прямо-таки помолодели от любопытства...». И правда: в таежных селах, где не часто встречаются «иногородние», у каждого тамошнего жителя накапливается повышенный интерес ко всякому новому человеку. Особенно — у старушек, которые, может, не одно уж десятилетие никуда не отлучались из дому. И вот сказано об этом так просто. И всего двумя словами. «Помолодели от любопытства».

И дальше в рукописи многое было сказано так же. По прочтении ее уже не было сомнения, что автор — человек не случайный в литературе. Было у него, что называется, самое главное — свое, неординарное отношение к тому, о чем пишет. Свое — это значит своя позиция, свое видение, свои изобразительные средства, свои особенности.

Поговорим об этом подробнее. Но меньше всего при этом хотелось бы что-то пересказывать, поучать автора, подходить к нему со стандартной меркой. Если все укладывается в заученную схему, значит — хорошо. Не укладывается — плохо. И есть повод пожуричь, поучить автора. Право же, это ничего не дает ни автору, ни читателю, тем более, литературе. Если говорить о пользе для автора, то он неизмеримо больше получает в такой «школе», как жизнь, на литературных семинарах, где идет профессиональный, взыскательный разговор, в дружеских беседах и спорах с коллегами. В литературе нет скидок ни на молодость, ни на модные темы, ни на то, чем занимается или занимался автор.

Так о чем же разговор? На мой взгляд, прежде всего надо иметь в виду особенности творчества. О главном мы уже сказали: свое отношение. Отсюда — и все остальное, о чем речь пойдет по порядку.

Характеры... Они у героев Лесника не только своеобразны, но и весьма убедительны. Скажем, тот же дед Бянкин. Пенсионер. Не

очень обремененный умом, но по натуре шустрым и деятельным, уверовавший в то, что на приiske кое-кто ворует и прячет золотишко, он не может утерпеть, чтобы не затеять частное сыское дело (на пользу общества). Он терпит неудачи и разочарования, попадает в конфузные и опасные положения. Но не падает духом. Уж он-то «знает», что делать...

Гоша Малинов из повести «Пара лапчатых унтов», которая и послужила поводом для этого разговора (она опубликована в первом и втором номерах журнала «Дальний Восток» за нынешний год), в отличие от односельчан, которые почти все имеют прозвища, вроде бы избегал этой участи. Но ведь это его имеют в виду, когда говорят: «Висит на заборе, как Гоша Малинов». А висит он потому, что «алкаш», и есть у него своя особая логика и страсти. Выйдет на улицу, обпрется о штакетник, для чего даже специально старая фуфайка вроде бы сшита вывешена, и смотрит, мучается, ждет, ищет глазами какую-нибудь зацепку, чтобы иметь основание начать то предприятие, которое привело бы к выживке. Но не грубо, не нахально действует. С «умом». Марку держит.

Гоша Малинов — не просто отличный от других характер, но и социальный тип, ибо очень уж много нынче «Гош» развелось. И видимость соблюдают, и законы ведают, и за правду слово скажут, а на уме одно: как бы где бы выпить. А уж какая от этого польза — всем известно.

Пашка — приисковый рабочий и по случаю охотник, в недавнем прошлом демобилизованный воин. На приiske он прижился не столько, пожалуй, из любви к горному делу, сколько из-за привязанности к тамошней девушке Тане. Толик из Брянской области, старший якут Захар, его старуха и внуки — все они достоверны.

Тут автор, как говорится, «кушается в материале». Но опять-таки у каждого свой характер, своя особинка. Пашка и Толик, хоть они-то и «заварили кашу» насчет лапчатых унтов, объективно имеют вроде и оправдание. Не сами себя они поставили в то положение, в котором оказались, а подвинуты были, так сказать, обстоятельствами и более матерыми негодниками, давно уж преуспевшими в этих краях. Если сложить все их плюсы и минусы, то в итоге получится, пожалуй, нуль. И тем не менее, читатель не испытывает к ним чувства не-

приязни, а посочувствует и, может, даже пожалует. Это очень важная особенность в творчестве Владислава Лесника — видеть и показывать прежде всего человека. Да и литература ведь не что иное, как человековедение. На этом стоит и первая повесть Лесника, и два рассказа, опубликованные вслед за нею («Петух с глушителем» и «Раз на раз не приходится»), и большая, самая серьезная работа — повесть «Пара лапчатых унтов», о которой здесь идет речь.

Бесспорно, самые симпатичные и достойные уважения люди в повести — это старый якут Захар и его старуха. Вот уж кто не паром хлеб ест. Вот кто действительный хозяин и знаток тайги. Вот кто не ведает праздною суеты и суетливости. Наоборот, и Захару и его старухе на старости лет приходится то и дело «отбиваться» тошнурками, то копченой рыбкой, то лапчатыми унтами от разных там бичей, отхватки и ушлых людишек, зачавших в тайгу.

В свое время Вячеслав Шишков устами одного из своих героев сказал: «Вот какие народы из тайги выполняют». Сейчас можно бы сказать иначе: «Вот какие в тайгу заползают». Заползают, рвут, хватают, пакостят. В лучшем случае — смешат честной народ. Таков Толик, которого я бы тоже отнес к числу социальных типов. Слишком много нынче бродит там и тут малолетов, которые «обучены и воспитаны» так, что не могут ни одно дело поставить, кроме «отнести-полнести». Но относить да подносить не всегда позволяет человеческое достоинство. И в конце концов они либо как-то приспособляются к жизни, либо становятся горемыками, либо тунейдпами. Толик полагал, что достаточно ему приехать на Дальний Восток, как рубль, дары тайги и всякие там унты и меха сами в руки полезут. Ах нет. Оказывается, и тут работать надо. Да еще как! А уж тайга и вовсе не гладит по головке. Право же, тут есть над чем подумать...

Почти все написанное Лесником светится легким неназойливым юмором. Это тоже немаловажное достоинство. И редкое, надо сказать. Может, именно поэтому даже непутевые люди у него не оханы и не унижены. Все они — люди, в чем-то даже симпатичные. И тем сильнее драматичность их положений.

Владислав Лесник редко использует слова и выражения, которые употребляются в таежной глубинке. Язык большинства его героев вполне литературен. Авторская речь — тем более. Но это вовсе и не стандартная гладкопись, годящаяся на все

случаи жизни. В том-то и дело, что, употребляя, казалось бы, самый обыденный язык, автор достигает воистину завидной выразительности. Ни убавить, ни прибавить. Значит, каждое слово не случайно и, как единственно пригодное для обозначения того или иного понятия, извлечено из множества подобных, но все-таки забракованных автором. С таким чувством меры, требовательности и такта может работать лишь взыскательный художник. Однако сам по себе язык не имел бы того значения, если бы автор не был способен проникать в суть вещей и показывать их такими, какие они есть. «Художник потому и художник, что он видит вещи не такими, какими ему их хотелось бы видеть, а такими, какие они есть на самом деле», — так в свое время говорил Л. Толстой.

Конечно, что-то не целиком взято из натуральной жизни, что-то отсеяно, что-то по крупнице собрано воедино и является, так сказать, вымыслом. Но вымыслом, достигнутым опять-таки не в результате затворнического воображения, а в итоге личного жизненного опыта и наблюдений, осевших в памяти. (Напомним, что автор и сам работал штатным охотником). Вымысел, ступающий разрозненные факты и черты характера до состояния подлинной и цельной картины, опять-таки — очень важная особенность (а равно и достоинство) всякого творчества. И это Леснику удается.

В заключение остается сказать, что проза Лесника весьма современна. Люди, которых он увидел и постиг, — теперешние люди. Положение вещей — нынешнее. Отношение автора к тому, что он показывает, зиждется на нынешних позициях. И язык, разумеется, тот, которым мы говорим сегодня.

Может, читателю покажется, что я слишком захвалил автора. Но задача моя как раз и заключалась в том, чтобы обратить внимание на человека, который уверенно и с достоинством входит в литературу. Причем входит, не перепрыгивая через ступеньки, а поднимаясь по ним, хорошо опираясь и осваивая каждую. Первая повесть была действительно несколько развлекательная. Рассказ «Петух с глушителем» — уже с прицелом на человеческие моральные качества. «Раз на раз не приходится» и вовсе не развлекательный. Ну, а самая крупная работа «Пара лапчатых унтов», пожалуй, стоит на голову выше всего, что было написано Лесником прежде.

Автор — достаточно самодостаточный человек. Да и возраст у него не тот, чтобы «от радости вскружилась голова». Он, надо полагать, отдаст себе отчет, какую ответственность, какую нелегкую ношу взваливает себе на плечи, становясь писателем. Думаю, что похвальное слово как раз и должно заставить автора оставаться взыскательным к себе. Иначе он и себя подведет, и читателя. А впереди у него куда более сложные задачи.

Н. ФОТБЕВ.